

1941–1943

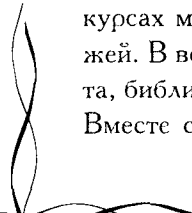
469 ДНЕЙ

В ОККУПИРОВАННОМ
ГОРОДЕ

– 130 –

Писать о работе библиотеки в оккупированном городе трудно и больно. Трудно потому, что очень скудны сохранившиеся материалы этого периода, освещающие деятельность ее маленького, мужественного коллектива. Больно от сознания унижений, которые испытывали люди, волей судьбы оказавшиеся на оккупированной территории и долгие послевоенные годы вынужденные нести на себе крест «полупредателей». Не осталось в живых свидетелей тех событий, но сохранились немногочисленные документы, обжигающие душу и сейчас. На полках книгохранилищ часто встречаются книги с отсыревшими обложками и расплывшимися чернилами инвентарных номеров — эти незаживающие раны войны. Чудом сохранившаяся папка документов 1941–43 гг., которая не была включена в архив библиотеки, позволила воссоздать судьбу библиотеки университета на оккупированной территории, оценить ущерб, нанесенный ее фонду. С чувством глубокой благодарности думаем о безымянных коллегах, с риском для себя сохранивших эти исторические документы. Отдельные эпизоды осветили документы Государственного архива Харьковской области.

С началом войны деятельность университета, его библиотеки была подчинена задачам военного времени. Война изменила жизнь библиотеки. Опустели читальные залы. Большая часть сотрудников — в составе групп самозащиты, в командах противовоздушной и химической обороны. Крестообразными полосами бумаги оклеивались огромные окна читального зала. Библиотекари участвовали в боевых дежурствах, рыли траншеи для укрытия от авианалетов, обучались на курсах медсестер, работали на строительстве оборонительных рубежей. В военном госпитале, размещавшемся в общежитии университета, библиотека организует «передвижку» для обслуживания раненых. Вместе с университетом к эвакуации готовилась и наиболее ценная

часть фонда библиотеки. Бои приближались. Участились налеты авиации. Получить обещанный эшелон для эвакуации библиотечного фонда не удалось. В соответствии с постановлением Совета по эвакуации при Совнаркомом СССР от 5 октября 1941 г. Харьковский университет был эвакуирован в г. Кзыл-Орду Казахской ССР. 25 октября советские войска вынуждены были оставить город. Библиотека с ее богатейшим фондом, коллективом сотрудников осталась на оккупированной территории. «Военные действия на Харьковщине носили исключительно ожесточенный характер. Харьков дважды переходил из рук в руки. Трагична для Харьковщины полоса оккупации... В Харькове на момент освобождения осталось лишь 20 % того населения, которое проживало в довоенный период» [94, с.3—4].

За несколько дней до оккупации города гитлеровскими войсками, заведующая отделом редких книг и рукописей Антонина Анимпостовна Борщ с сотрудниками сложили наиболее ценные рукописи, инкунабулы и старопечатные книги в железный сундук и закопали под лестницей в книгохранилище. Многие раритеты сотрудники библиотеки прятали по домам. «Имя библиотекаря Харьковского университета А.А. Борщ в ряду других самоотверженных людей вошло в историю всенародного движения за спасение от гибели культурных и материальных ценностей в период Великой Отечественной войны» [95, с. 258].

Черная ночь оккупации нависла над городом и затянулась на долгие 22 месяца. На второй день после того, как немецкие войска вошли в город, ЦНБ как и библиотека им. Короленко, были опечатаны. Фонды этих двух библиотек, входивших в число крупнейших книгохранилищ СССР, оказались под контролем оккупационных властей. Вход в библиотеку взят под охрану. Доступ разрешался только офицерам вермахта по специальным пропускам городской комендатуры.

Руководство библиотеками города осуществлял отдел образования Харьковской городской управы. «Городская управа не имела самостоятельности, была полностью подчинена военной власти. Рядом с председателем городской управы располагался кабинет особого уполномоченного немецкими властями, без согласия и подписи которого ни одно постановление городской управы не имело силы» [96, с. 171]. О положении этого органа можно судить по сохранившейся в архиве ЦНБ расписке обербургомистра. Восемь оконных занавесок для устройства управы были взяты из ЦНБ [Арх. ЦНБ]. Через некоторое время после организации биржи труда и регистрации безработных (уклонение от которой строго наказывалось), оккупационные власти

объявили о возобновлении в городе работы некоторых учреждений культуры и образования. В библиотеку университета возвратились 13 сотрудников (перед началом войны штат составлял 73 человека). Распоряжением городской управы директорам предписывалось отобрать паспорта у всех сотрудников и сдать на биржу труда, а вместо паспортов получить соответствующие удостоверения. Обращением командующего немецкими войсками к населению был введен «запрещенный (коменданский) час для мешканців міста Харкова від 16.00 год. до 06.00 год.» [97, с.20]. Библиотека работала с 8 час. до 15 час. Выход из помещения в рабочее время запрещался. Маршруты в опустевшем городе были ограничены: библиотека — дом. Все сотрудники жили в центре. От периодически организовывавшихся облав и угона на принудительные работы в Германию спасало удостоверение сотрудника университета. В городе устанавливался униженный для человека «новый порядок», оккупационный режим, на долгие месяцы ставший для харьковчан образом жизни. С конца 1941 г. библиотекой руководит Оксана Васильевна Линтварева (1883-?) — опытный библиотекарь (в 1905 г. окончила Сорбонну), пережившая вместе со своим коллективом самые трудные месяцы оккупации [ГАХО, ф. 2982, оп. 3, д. 6. л. 12]. Заместителем директора по научной работе была дочь выдающегося украинского историка Д.И. Багалей Ольга Дмитриевна Багалей (1889—1942). Ее имя в связи с разгромом в 1930-е годы багалеевской школы, находилось в забвении. Через 70 лет нам удалось вернуть его в историю библиотеки Харьковского университета [98, с. 190—194]. Эти две немолодые женщины сплотили маленький коллектив сотрудников ЦНБ во имя их выживания и спасения фонда. С началом оккупации города библиотека существовала как самостоятельная финансовая единица. После объявленного оккупационными властями возобновления работы университета весной 1942 г., библиотека была включена в его состав. Смету на I квартал 1942 г. О.В. Линтварева составляет из расчета штатного состава: 22 человека для обеспечения нормальной работы библиотеки. Городская управа корректирует ее в пределах 13 человек (в том числе 3 технических работника). Нет сомнения в том что, благодаря профессионализму, образованности, знанию языков О.В. Линтваревой и О.Д. Багалей удалось сохранить уникальный фонд одной из крупнейших университетских библиотек.

Уже в декабре 1941 г. в городе вспыхнул небывалый в его истории голод. Мирное население с приходом оккупантов очутилось в отчаянном положении. Оно лишилось минимальных средств существования. Зима 1941—42 гг. стала суровым испытанием для харьковчан,

коллектива библиотеки. Ослабевшие, полуголодные люди продолжали работать. Через выбитые стекла в окнах книгохранилища наметало сугробы снега, температура опускалась до 0°. Но ничто не могло изменить привычного для библиотекарей распорядка работы. Еженедельная зарплата служащего, эквивалентная двум буханкам хлеба, не спасала от голода. Только любимая работа, взаимная поддержка, желание выжить и вера в скорое освобождение давали людям силы. В конце 1941 г. на чердаке библиотеки, вследствие попадания снаряда, вспыхнул пожар. При тушении его отличился библиотекарь Ф.П. Переродов, награжденный после войны, по воспоминаниям ветеранов, медалью.

Университет, вернее то, что от него осталось, уже нельзя было назвать учебным заведением. «Во весь период оккупации в университете абсолютно никакой работы не проводилось, ни научной, ни тем паче учебной. Зарплата была очень небольшая, примерно, человек 10 получали, не больше, когда здесь было зарегистрировано около 200 человек», — вспоминает М.А. Корниенко, исполнявший обязанности ректора ХГУ в период первого освобождения Харькова [99, с.54–55].

С конца 1941 г. до начала 1942 г. уполномоченным городской управы в Харьковском университете был назначен профессор Андрей Владимирович Желеховский, вынужденный остаться по семейным обстоятельствам в оккупированном городе. О таких людях писала историк оккупационного периода Любовь Дражевская «Поодинокі науковці, що залишилися (у Харкові — Н.Б.) нормальної праці не вели, дбали про збереження бібліотек і лабораторій» [100, с.13]. Первыми действиями А.В. Желеховского в этой должности были обращения от 18 и 24 декабря 1941 г. в городскую управу с просьбой передать в университетскую библиотеку книги из личных библиотек профессоров университета Д.М. Синцова, Н.И. Ахиезера, В.М. Майзеля, И.М. Полякова, Л.М. Андреасова и Г.В. Коршуна, а также библиотеку математического института и Харьковского математического общества [ГАХО, ф. 2482, оп. 4, д. 159, л. 26, 29, 32]. Библиотека эта находилась на территории Украинского физико-технического института. «На глазах сотрудников института математики немецкие солдаты топили печки уникальными научными изданиями» [101, с.22].

С большой долей вероятности можно утверждать, что именно по инициативе А.В. Желеховского в начале 1942 г. отделом образования городской управы была проведена перерегистрация библиотек в городе, а также взяты на учет личные библиотеки эвакуированных ученых. Кроме библиотек вышеперечисленных ученых, ЦНБ были

переданы библиотеки академиков Л.А. Булаховского и А.И. Белецкого, профессора С.А. Семенова-Зусера, часть фонда библиотеки финансово-экономического института. В мае 1942 г. свою библиотеку подарил ЦНБ ученый-библиограф ЦНБ, доцент М.П. Самарин. Харьковскому политехническому институту были переданы библиотеки академика АН УССР Г.Ф. Проскуры и профессора И.М. Бабакова [ГАХО, ф. 89, 82, оп. 4, д. 213, л. 18].

Тысячи ценнейших научных изданий по математике, химии, биологии, литературоведению и языкознанию были спасены от уничтожения, нашли свой приют в университетской библиотеке. Заслуга А.В. Желеховского в этом несомненна.*

В тяжелых условиях оккупированного города библиотекари продолжали свою работу. Расставлялась возвращенная читателями литература, обрабатывались библиотеки ученых университета, переданные по распоряжению городской управы, велась работа с каталогами. Руками женщин переносились тысячи книг, подвергшихся затоплению в разрушенном бомбежкой помещении книгохранилища. В начале 1942 г. перенесено из подвалов бывшей университетской церкви 7762 экз. книг законсервированного в 30-е годы отдела богословской литературы, восстановлен систематический каталог на эту литературу (7 ящиков). Новой литературы библиотека не получала, кроме газет, издававшихся в городе. Количество обслуженных читателей в квартальных отчетах за 1942 г. выросло с 14 до 46 человек. Голод и холод уносили жизни сотрудников. Сохранились акты на списание книг умерших зимой 1941—42 гг. библиотекарей Э.М. Гусовой и Е.Ф. Ребинина. В актах книги А.С. Пушкина и В. Гюго, О. Генри и А. Доде, Ф. Брет Гарта и Э. Верхарна. Символично, что библиотекари до конца жизни не расставались с любимыми книгами. Библиограф Е.Ф. Ребинин в последние дни своей жизни читал Де Крюи «Борьба со смертью». В архиве университетской библиотеки найден леденящий душу документ — письмо директора О.В. Линтваревой от 14 марта 1942 г.: «До пана бургомистра 17 району м. Харкова. Прошу дати відповідні розпорядження до найскорішого поховання співробітниці ЦНБ М.В. Попової. Остання не має ні рідних, ні близьких». Библиотекари не могут похоронить своего товарища.

К началу 1942 г. в библиотеке осталось восемь сотрудников, в том числе — три технических работника. Руководство библиотеки

* В феврале 1943 г. по обвинению в сотрудничестве с оккупационными властями А.В. Желеховский был арестован органами НКВД, отправлен в тюрьму г. Старый Оскол, где умер от тифа в мае 1943 г. Реабилитирован в 1962 г.

направляет письмо в Харьковскую городскую управу, в котором аргументирует невозможность дальнейшего сокращения штата. Сохранились ходатайства о разрешении установления временных печей и выдаче дров для отопления библиотеки, о выделении строительных материалов для ремонта книгохранилища, а для освещения служебных помещений — «гаса на три лампи» и др. [Арх. ЦНБ].

О том, что пережили библиотекари за годы оккупации, рассказывают сохранившиеся документы. Но самым страшным для них было начавшееся разграбление и уничтожение оккупантами библиотечных фондов. Руководители фашистского рейха понимали ценность книжных фондов, значение библиотек как сокровищниц национальной духовности. Политика в отношении к ним была определена еще до начала войны. Специальными инструкциями регламентировались действия оккупационных властей, касающиеся разных классификаций фондов (киевский, харьковский, польский, флавианский и др.), типов литературы в зависимости от их ценности.

Со второй половины 1942 г. основным организатором «библиотечной компании», направленной на изъятие культурных ценностей в Украине, стал штаб Альфреда Розенберга, рейхсминистра оккупированных восточных областей. В Харькове была сформирована рабочая группа «Восточная Украина» (руководитель Венднагель). Региональные группы просматривали библиотечные, музейные и архивные фонды, составляли списки культурных ценностей. К этой работе привлекались десятки экспертов-библиографов, сотрудники немецких библиотек и научных центров. «Черновую работу» — укомплектование партий литературы для отправки в Германию — выполняли местные кадры библиотечных работников. Уже 3 июля 1942 г. специальный уполномоченный комендатуры гарнизона г. Харькова направил руководству украинской университетской библиотеки распоряжение, в соответствии с которым предписывалось: «предоставить в распоряжение особой команды 4а всю политическую литературу и периодические издания. Городской управе запрещается делать какие-либо распоряжения по поводу подобной литературы» [Арх. ЦНБ]. Штаб Розенберга издает распоряжение «З приводу очищення книгозбірень». Очищению от «...всякої марксистської, більшовистської і єврейської літератури» подлежали все фонды библиотек города. В отчетах университетской библиотеки появляется показатель: отбор литературы в соответствии с заказом штаба Розенберга. В сфере его интересов — идеологическая литература, издания по геологии, географии, геодезии, геохимии, геоботаники, палеонтологии, по вопросам

промышленного производства, военной тематики, статистическая и справочная литература об отдельных регионах Украины. Изымались труды выдающихся ученых, научные издания высокой полиграфической ценности. Целенаправленной акцией стало изъятие из харьковских библиотек картографических изданий. Только по акту № 6 от 1 июля 1942 г. было изъято 368 карт, атласов, книг по геологии и географии — всего 2553 экз. на сумму 34641 р. Библиотека лишилась собранной за 140 лет коллекции отечественных и иностранных географических, геологических, исторических, астрономических карт и атласов. Наша библиотека — одна из немногих крупных библиотек Украины, в которой сохранились акты на изъятую оккупантами литературу. Только благодаря присущей библиотекарям профессиональной пунктуальности, мы располагаем более или менее точными сведениями о похищенной оккупантами литературе. Сохранившиеся документы раскрывают характер, суть, последствия грабительской деятельности оккупантов. Всего за годы оккупации библиотека Харьковского университета лишилась более 60 тысяч книг и периодических изданий. Общая сумма материального ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, не считая повреждения здания, составила около 2 млн. рублей. Сведения о потерях библиотек Харькова, в том числе ЦНБ Харьковского университета, были приведены среди обвинительных материалов на Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. Данные об ущербе, нанесенном библиотеке университета и Харьковской государственной научной библиотеке им. В.Г. Короленко, подробно изложены в издании, подготовленном специалистами этих библиотек в рамках программы деятельности национальной комиссии по вопросам возвращения в Украину культурных ценностей [102]. Тяжело переживал коллектив планомерное и систематическое ограбление фонда старейшей университетской библиотеки. Десятки тысяч подлежащих изъятию книг* переносились с места на место руками обессиливших от голода женщин, пребывающих в неизменном ощущении опасности, беспокойства за жизнь детей и стариков, в страхе от налетов авиации, от изменения настроения оккупационных властей в связи с переменами военной обстановки на фронте. А главное — повседневная жизнь, наполненная ежедневной борьбой за выживание: за краюшку хлеба, стакан крупы, ведро воды, немного дров. Население города, обреченное на медленную, мучительную смерть от голода, холода и болезней,

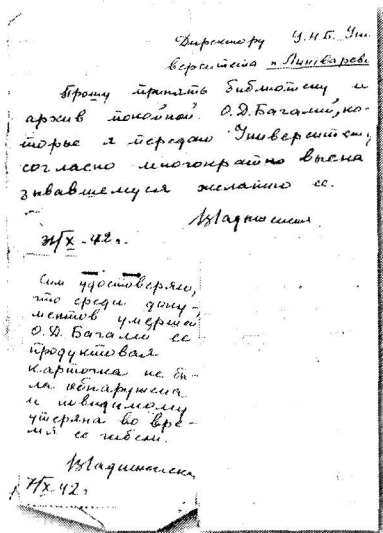
* Обратная литература не вывозилась сразу. Она хранилась в библиотеках отдельно как резервный фонд *Ostbucherei Rozenberg* и только весной 1943 г. готовилась к отправки в Германию. Часть ее так и не была вывезена.

сокращалось. Только за первый квартал 1942 г. в Харькове умерло от голода 14 тыс. человек [94, с.10].

Главной заботой руководителей библиотеки остается сохранение жизни сотрудников, помещений библиотеки. В документации библиотеки — ходатайства перед городской управой, бургомистрами районов о выделении для сотрудников нарядов на уголь, дров из разрушенных зданий, предоставлении огородных участков. Почти еженедельные письма во все инстанции о выделении стекла, фанеры, досок для ремонта книгохранилищ и обеспечения сохранности фонда. Характерно, что в этих письмах нет никакого заискивания перед властью или самоуничтожения. Каждый документ проникнут тревогой о сохранности фонда библиотеки, заботой о ее людях.

В конце октября 1942 г. трагически погибла О.Д. Багалей. Согласно ее желанию, в ЦНБ была передана ее личная библиотека — 725 экземпляров книг по истории Украины и России, всемирной истории. Коллектив библиотеки с сочувствием отнесся к беде своего коллеги, ученого-библиографа М.П. Самарина, у которого была похищена продуктовая карточка. О судьбе О.В. Линтваревой мы узнали из недавно изданной автобиографической книги Юрия Владимировича Шевелева. В годы войны он оставался в оккупированном Харькове. Работал библиотекарем 8 районной библиотеки, преподавателем и руководителем кафедры украинской филологии университета (1941 г.). Ю.В. Шевелев был дружен с семьей Линтваревых. В конце 1942 г. вместе с О.В. Линтваревой и ее матерью они покидали город, уходя на Запад [103, с. 322].*

В начале 1943 г. исполнение обязанностей директора было возложено на Василия Даниловича Ткаченко, заведовавшего много лет отделом фондов. О масштабах разрушений в библиотеке свидетельствуют

* Шевелев Юрий Владимирович (пс. Юрий Шерех), 1908–2002 гг., известный украинский ученый-лингвист, литературовед, культуролог и публицист. С 1943 г. в эмиграции (Германия, Великобритания, США), профессор Лондонского, Гарвардского, Кембриджского, Колумбийского и Нью-Йоркского университетов. Иностраный член НАН Украины, почетный доктор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (1998 г.).

его письма в штабарткомендатуру. В них В.Д. Ткаченко настоятельно требует выделения стекла (500 кв. м), железа (100 листов), так как книги разрушаются от дождя и снега, расхищаются (имеется акт о проникновении в библиотеку грабителей). В ряде писем директор ЦНБ ходатайствует перед горуправой об отселении из подвальных помещений библиотеки четырех семей технических сотрудников библиотеки, поселившихся там в конце 30-х годов.

Маленький коллектив ЦНБ (преимущественно в возрасте 60-ти и более лет) продолжает работать. Каждый рабочий день начинался борьбой со снегом, проникавшим в незастекленные части окон или щели, переноской книг в защищенные от снега и дождя места книгохранилища. В невыносимых условиях голодные люди списывают с инвентарных книг и каталогов десятки тысяч книг, изъятых оккупантами.

В феврале 1943 г. советские войска предприняли попытку освобождения Харькова. 16 февраля 1942 г. город был взят штурмом. Но уже 16 марта, ровно через месяц после первого освобождения города, немецкие кованые сапоги вновь застучали по его тротуарам — началась вторая оккупация города, продолжавшаяся пять месяцев. Жители города вновь оказались в мире бесправия и насилия, облав и душегубок, расстрелов и издевательств оккупантов, вымещавших свою злобу на подвластном населении.

Вторая зима времен оккупации была еще более жестокой. Люди, изможденные голодом, теряли силы, болели, умирали: кто мог, бежал из города. Проведенная городской управой 1 мая 1943 г. перепись населения показала, что в Харькове насчитывалось 193 980 человек — на 300 тысяч меньше, чем к началу оккупации.

